

Изначально одним убийством не убить нескольких человек. Засада важна только первым ударом, после эффект падает, и если бы эти ребята действительно хотели убить всех через засаду, эффективнее было бы с самого начала всем вместе наброситься. Тогда...

"Примерно могу представить стратегию".

Группа, которая неожиданно потеряла центр командования, впадает в хаос. Если те ножницы действительно скрывают присутствие пользователя и товарищей, то, пока те заняты поиском убийцы, можно унести всю еду группы. Конечно, убить всех и забрать артефакты или убить одного и унести только еду - в результате эти мышинные ублюдки всё равно воруют... Но всё же осадок оставался.

— Простите, дядя. Правда простите. Пожалуйста, со мной делайте что хотите, но отпустите их. Они же ничего не делали...

— Ничего не делали, но всё равно одна банда, разве нет? Тогда в итоге общая ответственность.

Когда схваченный Бертрамом ребёнок разрыдался, и дети, которые до этого только дрожали, тоже начали плакать и хныкать. Отпустите нашего брата, пощадите жизнь, - лица, перемазанные слезами и соплями, вопили так, что это зрелище было впечатляющим.

— .....

Бертрам пристально посмотрел на лицо ребёнка и нахмурился. На первый взгляд, самому большому едва-едва перевалило за десять, а самому маленькому было около семи лет.

Раньше он говорил, что эти дети только выглядят молодо, а сколько им на самом деле - неизвестно, но на самом деле случаи, когда реальный возраст и внешность сильно различаются, как у Эриха, не так уж часты. Если бы это было доступно каждому встречному, разве были бы в мире люди, умирающие от старости. Те, кто выглядит моложе своего возраста, - это только умелые маги или аристократы, выпившие эликсир омоложения. И...

Существо с такой силой вряд ли будет заниматься воровством на горном склоне, где в неудачный день может не прийти ни одна группа.

— Ну и дела.

Он невольно покосился на лицо Ахивальда. Спасите, не убивайте брата. Выражение лица Ахивальда, смотрящего на детей, которые умоляли и всхлипывали, было довольно сложным. Может, вспоминает своё прошлое. Хотя это уже давнее прошлое...

Бертрам отвёл взгляд, прежде чем Ахивальд заметил его взгляд. Перевернув лежащего ребёнка и несколько раз надавив носком ботинка на впалый живот, раздался громкий звук урчащего желудка, разносясь вокруг. Лицо ребёнка покраснело, но из уст Бертрама вырвался смешок.

— Эй, вы. Честно, очень старую еду есть не хочется, правда?

— Что?

— Не тебе говорю, малыш. Моим подчинённым говорю. Короче, раз так уж не хотите, может, этим скормим остатки? Мы денег заработали, так что надо же что-то вкусное поесть.

Убедившись, что глаза подчинённых округлились, Бертрам достал из сумки верёвку. Крепко связав лодыжку ребёнка, чтобы не убежал, а раз одной рукой можно есть, вторую руку он насильно вывернул назад и зафиксировал, чтобы не двигалась.

Как ни крути, даже если те напали первыми, пачкать меч кровью ребёнка – не очень приятное дело. Если убить действительно беспомощного ребёнка, несколько дней будут кошмары.

Подчинённые, понявшие намерение командира, сразу же таким же образом связали других детей. Дети дрожали, но хотя бы решили, что не умрут прямо сейчас, и не устраивали такой истерики, как раньше.

— Готовь еду заново, Хербарт. Двигался, ничего не поев, живот умирает от голода.

Пока Хербарт доставал новые продукты из мешка с припасами, Бертрам щедро налил тушёнки в деревянные миски и поставил миски и ложки перед детьми. Дети с растерянными выражениями лиц осторожно начали есть содержимое мисок.

— Им это вкусно? Очень хорошо едят.

— Обычно, когда долго голодаешь, даже хлеб с запахом носков ешь взахлёб. Эти тоже, видать, очень голодали.

— Эти ублюдки, вы говорите, что моя еда такая ужасная? Просто ингредиенты старые, а приправил я хорошо.

— Ко, командир. Дело не в приправе, а во вкусе... Нет. Простите. Оговорился, оговорился.

Получил ли Хербарт сильный удар по спине или нет, дети старательно ели странную на вкус тушёнку. Впрочем, дети ели не только тушёнку. Борис, который уже вернулся в человеческий облик, пока Бертрам не видел, тайком стащил из мешка с припасами хлеб и сыр и понемногу отламывал и кормил детей. Хербарт и Эрих, видя это, притворялись, что не замечают.

Наблюдая за тушёнкой, которую готовил Хербарт в новой кастрюле, Бертрам тихо зевнул. Просто прогнать было бы достаточно, зачем кормить. Он почесал голову от странного чувства, но ничего не поделаешь.

Сейчас зима, и в этих горах, наверное, детям почти нечего есть. Прогнать детей так – это всё равно что сказать: идите умирайте с голоду. Кроме того, если дети, не являющиеся наёмниками, встретят бедствие в этих горах, смогут ли выдержать – неизвестно. Как ни говори об артефакте, артефакт – это всего лишь инструмент. Если не хватает собственной силы или способности суждения, по факту не сможешь его правильно использовать.

"Что ж, если рассуждать рационально, лучше всего забрать артефакт, отвести до города и выпустить".

Не убил того, кто пытался его убить, а пощадил – это уже чрезвычайно великодушный поступок. Силы – ни капли, а надеялись только на артефакт и напали, но проиграли, так что если артефакт отберут, жаловаться не на что. К тому же, если выпустить в городе, то подаванием или карманными кражами какой-то путь к жизни откроется. Не нужно испытывать неуместное чувство вины.

Бертрам, всю жизнь проживший в мире наёмников, знал, что это самый рациональный подход. Если вести себя слишком жестоко, легко нажать недовольство, но если быть слишком

расточительным или мягким, легко покажешься лёгкой добычей. Нельзя заставить противника думать, что с ним обошлись несправедливо, но и нельзя дать возможность залезть на голову или предать.

"Но это легко на словах... Честно говоря, это не моя сильная сторона".

Игнорируя вид Бориса, которого отчитывал Ахивальд за то, что отламывал хлеб детям, Бертрам вспомнил, как впервые встретил братьев Ахивальда и Бориса. Борис, загнанный в угол настолько, что кусал кого попало, и Ахивальд, получивший тяжёлую рану – обе ноги выше бедра словно отрезали, – казалось, вот-вот умрёт.

Когда впервые привёл братьев, Бертрам сомневался, было ли хорошо, что он их забрал. Было ли необходимо спасать их, рискуя испортить отношения с другим отрядом наёмников, зачем было жертвовать драгоценным "ядром красного бедствия", чтобы восполнить отрезанную ногу Ахивальда.

Конечно, спустя восемь лет он ни капли не жалел. Но обычно, когда только столкнулся с таким делом, голова мутная, как взболтанная грязная вода, и трудно что-либо утверждать. Тогда он думал обо всём на свете. Бертрам невольно усмехнулся.

Вой Ахивальда, который перед охотниками рычал, словно крича, и сейчас, спустя восемь лет, был жив в голове. Бертрам молча погрузился в раздумья, ожидая, пока мясо в тушёнке сварится.

***

Восемь лет назад, когда королевская армия создала отряды наёмников в приграничную зону для операции по подавлению бедствий, число отрядов наёмников достигло трёхсот.

Конечно, если посчитать, сколько из них собралось добровольно, не хватит и пяти пальцев. То есть практически никого. Единственным плюсом было то, что ядро подавленного бедствия можно забрать себе, но кроме этого не было ни вознаграждения, ни компенсации за риск, а жизнь висела на волоске, так что добровольцы были бы странными.

Наёмники, которых фактически насильно вытащили из-за страха перед местью королевской армии, с мертвецкими лицами участвовали в операции по подавлению бедствий. Бедствия появлялись постоянно, словно кто-то сеял семена в землю, и наёмники подавляли бедствия почти весь день, за исключением времени на сон и еду.

Приграничная зона, честно говоря, не была местом для жизни людей. Погода была постоянно холодной, шёл промозглый дождь, земля была покрыта вонючей и топкой грязью, так что было трудно ходить, а небо было всегда тёмным, и ни луч солнца не пробивался. То есть даже без бедствий дни были достаточно тяжёлыми.

Кроме того, более серьёзной проблемой были распри и нервотрёпка между отрядами наёмников. Раз отряды наёмников со всей страны собрались в одном месте, приходилось сражаться спина к спине даже с теми, кто обычно был во враждебных отношениях и никогда не видел друг друга. Странно было бы, если бы не возникло конфликтов.

Отряд наёмников Ворон того времени также был назначен в близкую позицию к отряду наёмников, с которым были плохие отношения, и изрядно нервничал. Нет, на самом деле Бертрам даже не хотел признавать их наёмниками. Они не занимались подавлением бедствий напрямую, как они, и не принимали заказы на охрану караванов, как мелкие и средние отряды

наёмников.

— У вас много опыта, так что и с такой работой справитесь хорошо, разве нет? Потом щедро дам денег, так что помогите. У нас основная работа – бой в другом смысле.

— Разве сейчас сжигать деревни звероловцев и хватать детей тоже называется боем?

Отряд наёмников Чёрный Кролик был одним из крупных отрядов наёмников, откровенно занимавшихся работоторговлей. В отличие от подавления бедствий или охраны караванов, захват рабов был незаконным, но ловить рабов было намного легче, чем охотиться на бедствия, а деньги зарабатывались несравненно лучше, чем при охране караванов. Отряд наёмников Чёрный Кролик был одним из мест среди крупных отрядов наёмников, где, по слухам, зарабатывали больше всего денег.

Помимо грязной работы вроде захвата рабов, злодеяний, совершённых отрядом наёмников Чёрный Кролик, было немало. То занимали чужие деньги и отпирались, то просили о помощи, а выбравшись из кризиса, делали вид, что такого не было. Если поднимали вопрос об этом, подстрекали несколько отрядов наёмников с похожими взглядами и вместо этого вставляли палки в колёса противнику. Изначально ни один нормальный отряд наёмников не относился к ним хорошо.

Они были богаты, но даже методы подавления бедствий не знали толком. Просто потому, что размеры похожи, были назначены рядом с отрядом наёмников Ворон, но если судить по боевой мощи, там полно тех, кто не дотягивал даже до половины силы наёмников Ворон.

Командир отряда наёмников Чёрный Кролик, говоря: "Выйдем отсюда, и я не обижу, щедро заплачу, так что помогите", при каждом подавлении бедствия тихо отступал в тыл, но, конечно же, ни Бертрам, ни все из отряда наёмников Ворон не верили этим словам. Наверняка после окончания операции сразу отопрутся.

— ...Раздражающие убудки. Может, просто разом смести вместе с бедствием.

— Терпите, командир. Знаете же, что если плохо связаться с ними, будут только лишние хлопоты.

Конечно, даже если бы Эрих не останавливал, на самом деле он не собирался создавать с ними конфликт. Из-за противостояния с бедствиями каждый день и так тяжёлый, а если ещё и конфликт с ними возникнет, жизнь станет ещё труднее. Если нажать злобу, во время подавления бедствия могут ударить в спину, и будет урон, так что, как бы ни было противно, лучше просто молчать и не общаться.

К счастью, хоть несколько месяцев и намучились до смерти, операция завершилась без особых проблем. Не понесли больших потерь в живой силе, и доход тоже был. Отряд наёмников Ворон отчаянно сражался на передовой и получил целых два ядра красного бедствия, а это было такой удачей, что с лихвой окупило все страдания отряда наёмников в приграничной зоне.

— Это действительно огромный доход, правда? Эй, всё же закон "не умирать" существует.

— Точно. В этот раз у нашего отряда наёмников самые лучшие результаты, разве нет.

— Так что, командир, что будете делать с этими ядрами? Раз красные ядра, продадутся довольно дорого, продадите оба?

— Одно продам и добавлю в бюджет нашего отряда наёмников, а второе... Ну, я могу взять, разве нет? Я же прикончил одно красное бедствие последним ударом.

— Если командир возьмёт, кто посмеет возражать.

— Хорошо, тогда это беру себе. Переделаю в годный артефакт и буду использовать в бою. Эрих, переделаешь?

— Конечно. Сделаю что-то идеальное для командира.

Так как самую выдающуюся заслугу в этой операции совершил Бертрам, никто не возражал против решения, что одно ядро красного бедствия возьмёт он. На самом деле, для командира крупного отряда наёмников использовать тридцатилетний артефакт синего бедствия – это довольно скромно. По сравнению с тем, как командиры других гигантских отрядов наёмников таскают красные артефакты, которыми даже не пользуются, это было чрезвычайно просто.

<http://bllate.org/book/15038/1337837>